

ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ

Заметки о русском национализме

Национальный вопрос в России есть
вопрос не о существовании, а о достойном
существовании.

Владимир Соловьев

В своей попытке «философской проблематизации» «русского национализма» Олег Кильдюшов поставил перед собой две задачи: 1) собственно «проблематизировать» использование понятия национализм в современной российской дискурсивной практике; 2) «спровоцировать» дискуссию, которая могла бы «прояснить довольно запутанную семантическую ситуацию вокруг современного русского национализма с целью коррекции сложившейся дискурсивной практики».

Относительно первой задачи замечу, что, на мой взгляд, проблематизация получилась довольно вялая. Учитывая значительный массив русской «националистической» литературы с ее сложной внутренней дифференциацией (расисты, московские националисты, прикормленные окологремлевскими политтехнологическими проектами, и т. д. и т. п., не говоря уже о «партийном дискурсе» ЛДПР и «Родины»), предложенный материал для заявленной «проблематизации» выглядит скудно. Такое ощущение, что автор ограничился дискурсивным материалом, просочившемся из радиоточки, транслировавшей, скажем, «Эхо Москвы». У этой (взятой условно) радиостанции есть, конечно, своя устойчивая аудитория, однако не ясно, почему автор в качестве потенциального адресата ограничился именно ей, имея в виду читателя своей статьи. Возможно, впрочем, что такая избирательность является следствием слишком значительной самоидентификации автора с ситуацией вековой давности (восторженное узнавание себя в дореволюционных дискуссиях несколько раз прорывается в статье), когда, действительно, интеллигентская среда четко делилась на «передовую», официозную и махрово-реакционную. Тот же Петр Струве, конечно, никогда не стал бы вступать в дискуссию с каким-нибудь представителем «Союза русского народа», и, тем более, не стал бы печататься на страницах соответствующих изданий. Однако же в наше время, где такого рода дифференциации еще не выкристаллизовались (хотя и появились первые проблески нового «официоза»), эта избирательность представляется весьма и весьма искусственной.

В этом отношении нашу эпоху отличает, скорее, полное отсутствие даже условной позиционности: прежние выразители либеральных (как им казалось) взглядов массовым порядком переходят в разряд рупоров «державной» (=пропрезидентской) позиции; те, кто еще недавно критиковал РПЦ, вдруг оказываются видными «православными публицистами»; сторонники (как им кажется) «левой идеи» публикуются в гламурных изданиях и т. д. и т. п. В этом контексте мне, честно говоря, трудно приписать какой-то определенный объем понятию «либеральный интеллигент». Но легко констатировать наличие персонажей и институций, конкурирующих за брэнд «либеральный» в рамках определенной прагматики своего существования.

Впрочем, ввиду понижения продаж товаров с этим брэндом на внутреннем и мировом рынке, все намного интереснее обстоит именно в той сфере, небрежение к которой ставит в вину неведомым мне «либеральным интеллигентам» О. Кильдюшов. Мода на «этническое» — этническую кухню, этнические украшения, этническую одежду и музыку — давно распространилась и на отечественный интеллектуальный рынок. В лавочках под вывесками «национализм», «консерватизм» и «патриотизм» развернута бойкая торговля, и почти в каждом из них найдется свой отдел аксессуаров, где рассмотрены «русский вопрос», «миграционная угроза», «суверенитет», «традиционная религия» и проч. Чтобы не быть голословным, приведу одну цифру: набрав в русском Google слово «либерализм», мы получаем сообщение о том, что найдено «примерно 1 390 000 страниц». Набрав слово «национализм», мы находим уже «примерно 2 210 000 страниц». Иными словами, говорить о дефиците обсуждения темы национализма, мягко говоря, неверно¹. Там, где автору чудится непаханое поле, пространство, как оказывается, затоптано до последней степени. И это, надо заметить, в медийном пространстве, куда редко ступает нога «нон-адаптантов или адаптантов низкого уровня», т. е. тех, кто, если верить интуициям автора, выступает носителем спонтанной национальной русской идеи.

Встречающийся в этой же части статьи краткий экскурс в проблему того, чем по факту занимаются российские интеллигенты и чем («по Бурдые») должны заниматься интеллигенты вообще, а также соблазнительные замечания насчет того, какие выгоды — помимо теоретических — сулит «борьба интеллигентов за семантические изменения в рамках националистического дискурса», пока оставим в стороне, в силу их некоторой пунктирности и вытекающей отсюда неясности.

Действительная проблематизация дискурсивной практики использования понятия «национализм» не может, на мой взгляд, ограничиваться остроумными наблюдениями над языковым поведением одной и, надо сказать, на сегодняшний день изрядно маргинализованной группы, застолбившей за собой брэнд «либерализма». Во-первых, потому что «в российских общественно-политических дебатах последнего времени» (если таковые вообще наблюдаются) понятие «национализм» используется значительно шире, чем это было показано автором статьи. Во-вторых, потому что я не вполне пони-

¹ Ср. в англоязычном Интернете по той же поисковой системе: 32 600 000 для «nationalism» и 24 000 000 для «liberalism».

маю (даже если в данном случае выступить в роли «адвоката дьявола»), почему избранный срез именуется «либеральным». Политический либерализм, в том смысле, как он мне известен, не знаком с табуированием темы «национализма». Уже хотя бы потому, что само понятие «нации» в современном политическом смысле родилось в период Французской революции. Антинационализмом же отличался, как известно, именно консерватизм (примером чему является политика того же Священного союза).

Завершая эту тему, замечу, наконец, что никаким рациональным образом я не способен сформулировать для себя содержание понятия «яркий представитель русской либеральной мысли» таким образом, чтобы в его объем одновременно вошли «Анатолий Борисович Чубайс» (в роли проводника экономического неолиберализма² в роли топ-менеджера одного из предприятий выстраиваемого государственного капитализма² в роли человека, которому все равно, находится ли на службе свободного рынка или на службе государства, лишь бы «стоять у руля»?) и «Петр Бернгардович Струве» (в роли «легального марксиста», в роли «государственника», в роли «асемита», в роли «монархиста»?). Теряюсь в догадках, но, боюсь, как бы О. Кильдюшов (ценитель сокровищницы дореволюционных полемик о национализме) ни разыгрывал читающую публику, намекая в данном случае на язвительное прозвище, данное Струве в разгар одной из таких полемик А. Ф. Кугелем и вынесенное в название соответствующей статьи последнего, а именно — «22 несчастья». И в самом деле, вполне можно усмотреть некую аналогию в действиях этих двух «российских национал-либералов»² в следующем эпизоде, объясняющем в цитируемом памфлете резкие перемены в идейных исканиях «Петра Бернгардовича»: «Но вот стряслись октябрьские дни, и г. Струве вернулся в Россию... Его позвал гр. Витте, и он имел с ним продолжительную беседу. Подробности этой беседы неизвестны, но психология — ясна. Граф Витте знал «секрет, как спасти Россию», но, к сожалению, его не обнаружил. Г. Струве такого секрета не знал, но у него немножко закружилась голова, и ему серьезно, вероятно, казалось, что в революционном пожаре, который занялся над Россией, ему, как поджигателю, принадлежит выдающаяся роль, и что поэтому, хотя еще не зная как, он обязан «спасти Россию»³. Что-то в самом деле есть похожее между действиями «Петра Бернгардовича» и «Анатолия Борисовича», который также уже не раз пытался «спасти Россию», также, похоже, «еще не зная как». Если же говорить серьезно, то я не очень понимаю каким образом интеллектуал, т. е. субъект, призванный выполнять функцию критики идеологии, может приветствовать идею «либеральной империи» Чубайса, которая есть не что иное, как политическая обертка интересов новоявленного сверхкрупного российского капитала. На этом в обсуждении, на мой взгляд, не вполне удавшейся «проблематизации», грозящей обернуться незапланированной памфлетной провокацией, поставим точку.

² Так в статье О. Кильдюшова. На всякий случай напомню, что тот же П. Струве довольно язвительно отзывался в свое время о «российской» (а не «русской») социал-демократической рабочей партии.

³ Национализм. Poleмика 1909–1917. Сост. М. Колеров. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 92.

Что же касается второй задачи, поставленной в статье, то в ходе своего воплощения она вылилась не столько в провокацию, сколько в ряд практических (если не сказать пропедевтических) наставлений по поводу того, чем, собственно нужно заниматься, когда «интеллектуальная элита» обратится, наконец, к поискам ответов на «важнейшие вопросы о смысле национального бытия» (уточнение семантики понятий, формирование «базовых гипотез интерпретации», изучение «сокровищницы мысли интеллектуальных предшественников» и т. д.). Обсуждать в деталях предлагаемую методологическую технологию, на мой взгляд, не имеет здесь большого смысла. Во-первых, она не эксплицирована, а дана, так сказать, импрессионистически. Во-вторых, сама по себе она неявно встроена в некую рамочную концепцию модернизации, которую следовало, по меньшей мере, сформулировать⁴. Однако на нескольких мотивах, затронутых в статье, имеет смысл задержаться. Первый из них слышен в статье подспудно, но, на мой взгляд, довольно отчетливо. Это, мне кажется, не мотив дефицита «националистического» дискурса (Google, как было показано, опровергает это допущение), а упрек в том, что определенные группы интеллектуалов не разыгрывают русскую националистическую карту, в результате чего эта тема оказывается присвоена некими другими группами, владеющими навыками публичного дискурса.

Как уже было замечено выше, я не очень понимаю, к какой именно группе обращен этот настоящий, хотя и закамуфлированный *упрек по существу вопроса*. Единственное, что я могу сделать (отсюда и модальность настоящей реплики от первого лица), так это ответить, почему я не занимаюсь интеллектуальной спекуляцией под вывеской «национализм». Этот вопрос, следует, однако, определенным образом дифференцировать, чтобы всякие там хайдаггеровские «допрашиваемые», «выспрашивающие» и проч. не сливались в некое неразличимое месиво. Во-первых, можно отметить, что тема «национализма» в постсоветское время довольно быстро стала легитимной темой научно-академических штудий. На литературе по этому вопросу я не буду здесь задерживаться. Главным образом она концентрируется на двух вопросах: теоретические концепции и модели национализма (благодаря работам и переводам в этой области теперь уже никого не удивителем понятием «конструктивизм» или «примордиализм»); история национального вопроса в России. Мне кажется,

⁴ Известные мне серьезные исторические исследования, выполненные в рамках теории модернизации (А. Г. Вишне夫斯基, Б. Н. Миронов), резюмируются одним тезисом — развитие России идет «нормальным», хотя и хронологически запаздывающим путем (в случае упомянутых авторов — применительно к области демографии и, соответственно, социальной системы). Однако в области национальной проблематики эта конструкция, мне кажется, не может работать в силу той очевидной причины, что Россия не является национальным государством европейского типа или эмигрантским обществом американского образца. По этой причине обсуждение этого вопроса также не может быть «нормальным» в европейском смысле (поэтому апелляция к европейским дискуссиям как к образцовым, которая содержится в статье О. Кильдюшова, просто противоречит его же риторике, акцентирующей тот момент, что Россия не является государством, похожим на Данию). Этот факт специфичности (в том числе и современной России) признают и названные авторы, в частности Б. Миронов замечает, что «Российская империя никогда не была нацией-государством. Даже современная Россия до сих пор не является таковой» (*Миронов Б. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)*. В 2 т. — 3-е изд. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. С. XXVIII).

что вторая проблема остается все еще плохо детализированной в исследовательской литературе⁵. Причем самым интересным здесь, на мой взгляд, явля-

⁵ Точнее, в этой области обнаруживается та же проблема, что и в любой российской обществоведческой тематике: а именно структурный разрыв между эзотерическим квалифицированным знанием и той общедоступной и популярной сферой, в которой доминируют люди, мягко говоря, не очень компетентные, зато весьма писучие. Приведу простой пример. За последние несколько лет я в ходе разных дискуссий не раз встречал отсылку к уваровскому понятию «народности», но ни разу не слышал хоть сколько-нибудь адекватного воспроизведения действительного смысла этого понятия. Что говорит о чудовищной безграмотности даже в таком элементарном вопросе среди людей, постоянно втянутых в обсуждение этих тем на разных московских семинарах.

Поэтому (так, на всякий случай, ввиду скудости такого рода указаний в обсуждаемой статье) привожу малый список соответствующих *исторических исследований* по национальному вопросу (приведен в цитированной работе Б. Миронова): *Алишев С. Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М., 1990; *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931; *Берлин И.* Исторические судьбы еврейского народа на территории русского государства. Пг., 1919; *Возгрин В. Е.* Исторические судьбы русских татар. М., 1992; *Высоцкий И. И.* Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией: (1710–1910 гг.). Рига, 1910; *Галоян Г. А.* Россия и народы Закавказья: Очерки политической истории их взаимоотношений с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1976; *Галузо П. Г.* Туркестан – колония: (Очерки по истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М., 1929; *Ганелин Р. Ш., Кельнер В. Е.* Проблемы историографии евреев в России: Вторая половина XIX – первая четверть XX в. // *Аграновская М.* (ред.). Евреи в России: Историографические очерки. М.; Иерусалим, 1995. С. 183–255; *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. Л., 1925. Т. 1, 2; *Дикий А.* Евреи в России и СССР: Исторический очерк. 2-е изд. Новосибирск, 1994; *Дружинин Н. М.* (ред.). Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958; *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма: (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–142; 1996. № 11–12. С. 39–72; *Кандель Ф.* Очерки времен и событий: Из истории российских евреев. Иерусалим, 1988, 1990; *Ланда Р. Г.* Ислам в истории России. М, 1995; *Локшин А.* (ред.). Евреи в Российской империи XVIII–XIX веков: Сб. трудов еврейских историков. М.; Иерусалим, 1995; *Самбук С. М.* Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980; *Сулейменов Б. С., Басин В. Я.* Казахстан в составе России в XVIII-начале XX века. Алма-Ата, 1981; *Смирнов Н. А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М, 1958; *Федоров М. М.* Правовое положение народов Восточной Сибири: (XVII-начало XX века). Якутск, 1978; *Хасанов Х. Х.* Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977; *Эгунов Н. П.* Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Уде, 1963; *Allworth E.* (ed.). Central Asia: 120 Years of Russian Rule. Durham; London, 1989; *Azrael J. R.* (ed.). Soviet Nationality Policies and Practices. New York; London: Praeger Publishers, 1978; *Blobaum R. E.* Rewolucja: Russian Poland, 1904–1917. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1995; *Demko G. J.* The Russian Colonization of Kazakhstan: 1896–1916. Bloomington: Indiana University Press; The Hugu: Mouton, 1969; *Fisher A.* The Crimean Tatars. Stanford: Hoover Institution Press, Stanford University, 1978; *Frankel J.* Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917. New York et al.: Cambridge University Press, 1981; *Haberer E. E.* Jews and Revolution in Nineteenth Century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; *Lantzeff G. V., Pierce R. A.* Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1973; *Lincoln W. B.* The Conquest of a Continent Siberia and the Russians. New York: Randon House, 1994; *Loit A.* (ed.). National Movements in the Baltic Countries during the 19th Century. Stockholm, 1985; *Pierce R.* Russian Central Asia, 1867–1917: A Study in Colonial Rule. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960; *Polvinen T.* Imperial Borderland; Bobrikov and the Attempted Russification of Finland 1898–1904. Durham, NC: Duke University Press, 1995; *Ragslade H.* (ed.). Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; *Riazanovsky N. V.* Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1959; *Rieber A. J.* 1) Struggle Over the Borderlands // *Starr F. S.* (ed.). The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia.

ется не изучение дискуссий интеллигентов по этому вопросу⁶, равно как и важная, но недостаточная стратегия издания и переиздания соответствующих текстов и документов (а круг таких публикаций, конечно, уже давно намного шире того, что указан в обсуждаемой статье), а история реальной национальной политики и ее последствий, тактических и стратегических успехов и провалов — как в советское, так и в досоветское время. Однако в этой области бессмысленно кого-то *призывать* к актуализации темы национализма. Либо ты исследуешь и анализируешь соответствующую проблему, либо опираешься на существующие исследования в рамках какого-то теоретизирования или интерпретации. Призывы к актуализации, которые, тем более, не сопровождаются демонстрацией собственного вклада в соответствующую историческую или аналитическую работу, выглядят, на мой взгляд, неуместными.

Но в статье, насколько я понимаю, речь идет не об этом (иначе следовало бы на существующем исследовательском материале показать, в чем именно состоят его недочеты). Речь идет, скорее, о том, чтобы побудить определенные слои интеллектуалов включиться в продуцирование специфического интеллектуалистского националистического дискурса, тем самым, по мнению автора, предлагая ответы на некие актуальные вопросы русских людей. Этот жанр нужно отнести, конечно, не к научным, а к специфически интеллектуальным продуктам. В том смысле, в каком *политический журнализм* призван, вообще говоря, не анализировать какие-то высказывания политиков (персонажи, которые у нас занимают, например, комментированием посланий к Федеральному собранию президента В. Путина (или — если брать более широко — занимают *интерпретацией* высказываний власти), на мой взгляд, только по недоразумению могут называть себя политическими журналистами), а выражать некую позицию широких и «безгласных» социальных групп

Armonk, NY; London: M. E. Sharpe, 1994. P. 61–90; 2) Persistent Factors in Russian Foreign Policy: An Interpretive Essays // *Ragsdale H.* (ed.). Imperial Russian Foreign Policy. Washington; Cambridge: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1993. P. 315–360; 3) The Historiography of Imperial Russian Foreign Policy: A Critical Survey // *Ibid.* P. 361–444; *Rywikin M.* (ed.). Russian Colonial Expansion to 1917. London; New York, 1988; *Starr F. S.* (ed.). The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia. New York; London: M. E. Sharpe, 1994; *Suny R. G.* (ed.). Transcaucasia: Nationalism and Social Change: Essays in History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, University of Michigan, 1983; *Tewari J. G.* Muslims under the Czar and the Soviets. Lucknow, India: Academy of Islamic Research and Publication, 1984; *Thaden E. C.* Russia's Western Borderlands: 1710–1870. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984; *Thaden E. C.* (ed.). Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914. Princeton: Princeton University Press, 1981; *Thaden E. C., Raun T.* (eds.). Finland and the Baltic provinces in the Russian Empire // *Journal of Baltic Studies* (special Issue). 1984. Vol. 15, No. 2 / 3. P. 87–224; *Vakar N. P.* Byelorussia. The Making of a Nation: A Case Study. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956; *Vucinich W. S.* Russia and Asia: Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples. Stanford, CA: University of California Press, 1972; *Zenkowsky S. A.* Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.

⁶ В статье выдвигается потрясающий тезис о том, что поиск «русской идентичности» «является конституирующим для всей русской культуры». На мой взгляд, автор здесь перепутал «всю русскую культуру» с чем-то вроде «Серебряного века» русской культуры (да и применительно к названному периоду с таким же успехом можно сказать, что здесь шел поиск «скифско-азиатской идентичности» (памятуя об известном стихотворении поэта по имени Александр Блок)). Нет такого «конституирующего» вопроса в русской культуре, а оперирование такого рода утверждениями есть лишь публицистический прием.

(в данном случае — «русских»). Именно в этой роли интеллектуалы — согласно интеллектуалистской легенде — становятся «господами дискурса» или, выражаясь более традиционно, «властителями дум» — со всеми вытекающими отсюда предпочтениями и благами. Чтобы определить свою позицию по отношению к такой постановке вопроса (если я ее правильно понимаю), мне придется затронуть ряд разнородных и неравнозначных моментов.

Первый из них является историческим и связан с проблемой соотношения имперского прошлого страны и ее настоящего. В рассматриваемой статье формулируется рамочный тезис о том, что «в ценностно-нейтральном, техническом смысле Россия по-прежнему является империей и нуждается в соответствующей культурно-национально-государственной идентичности». Я вполне могу согласиться с тем, что Россия продолжает оставаться своеобразным имперским образованием (хотя, возможно, и по основаниям, которые не совпадают с теми, которые может подразумевать автор). Однако если мы исходим из «имперскости» современной России как из некоторой данности, то я вообще не представляю, каким образом постановка и муссирование русского национального вопроса как «националистического» (в том смысле в каком это понятие как раз и можно понимать «в большинстве других государств, давно осуществивших “националистический переход” (а некоторые — даже второй)») может способствовать формированию такой «культурно-национально-государственной идентичности», которая обладала бы не только внутренним, но еще и «внешним» интеграционным потенциалом. Постановка этого вопроса — как это по факту и происходило в работах, тем или иным образом легитимировавших распад СССР (у того же А. Солженицына) — лишь создает условия для еще более мелкого дробления существующего российского государства. Устойчивых империй, основанных на националистической (т. е. партикуляристской по определению) идеологии, просто не бывает. Это должна быть или религиозная идея, или идея, основанная на некоторой идее цивилизации или цивилизаторской миссии (выражаясь лапидарно, идея повсеместного распространения канализации и водопровода, позднее «прогресса» и т. д.). Пытаться усидеть одновременно на двух стульях — «национализма» и «имперскости» — могут только некоторые современные горе-публицисты, о которых можно сказать лишь сочувственными словами Парменида, что это «люди о двух головах». В то же время, последовательно проводимая линия национализма и — политически вытекающий из нее проект русского национального государства — может увенчаться успехом лишь при соблюдении весьма специфических условий (в частности, принятие православия в качестве государственной религии). Но даже при самом благополучном стечении обстоятельств, такое политическое образование все равно будет неустойчивым. Чтобы сообразить почему, напомним националистам с короткой памятью титул российского императора: «Божиею поспешествующею милостью, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Вольнский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверской,

Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новгорода низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северная страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Армейские; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая».

Если у националиста хватит внимания дочитать его до конца, то он должен, вообще говоря, задуматься, а почему, собственно, Царь Грузинский здесь соседствует с Царем Сибирским «и прочая, и прочая». Все же дело в том, что здесь обозначены основные *исторические швы* российского государства, по которым оно и будет далее разваливаться, если открыть все шлюзы поиска «русской идентичности» в перспективе ее практической политической реализации.

Конечно, если слишком увлекаться «националистическими» дискуссиями интеллигентов Серебряного века, то можно никогда и не узнать о том, что в России исторически первичным является вопрос отнюдь не националистический а *областнический*. В начале XX века один из активных тогдашних «областников» Г. Потанин следующим образом формулирует ключевой пункт программы российских областников, которая сформировалась *раньше*, чем прорезался «конститутивный», по мнению О. Кильдюшова, вопрос о русской национальной идентичности: «первый крик нарождающегося сибирского областничества, раздавшийся в 40-х годах: “Естественное богатство Сибири есть достояние области!”, — удачно сразу наметил область экономических интересов как базу сибирского областничества»⁷. Здесь же он указывает на то, что «областническая тенденция, покоящаяся на экономическом соревновании частей государства, имеет право на столь же долгий срок существования, как само государство».

В этой исторической перспективе, на мой взгляд, должно быть ясно, что попытка придать националистической *болтовне* реальную политическую значимость повлечет за собой не создание русского национального государства, а территориальный *развал* продолжающегося оставаться имперским государственным образованием «Россия» на Московский, Сибирский, Астраханский и прочие фрагменты.

Второй момент, который я здесь затрону, связан с тем, что рассматриваемая статья формирует впечатление, что есть некий «нерешенный» социально-экономический вопрос (ряд вопросов), связанный с положением русского (в широком смысле) в современной России. Эти спонтанные народные искания интеллектуалы и игнорируют. Не вдаваясь в анализ этих вопросов (сформулированных, конечно, отнюдь не «народным» языком), по этому поводу скажу следующее. Нельзя отрицать или не считаться с наличием указанных автором «рессантиментальных» националистических установок (кавказцы,

⁷ Потанин Г. Областнические тенденции в Сибири. Томск, 1907. С. 57–58. Цитирую по статье А. Вишневого «Федерализм и модернизация» [www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/06/05/0000160682/007_Vishnevskij.pdf].

евреи и проч.). Более того, их наличие является реальным политическим фактором российской политической сцены, который поддерживает существование на ней таких образований как ЛДПР, «Родина» и проч. Кремлем, кроме того, организуется и стимулируется целая лаборатория по обкатке и запуску националистически-ориентированных риторик. Работа рутинная и, надеюсь, не нужно объяснять, зачем нужна куча разных гомункулусов такого рода. С учетом этого контекста должно быть также ясно, что тот, кто порождает соответствующий дискурс, сразу же оказывается внутри пространства, которое для этого специально организовано. Что ж — место, что называется, хлебное, да и сладкий запах демагогической власти ударяет в голову падких на это дело публицистов. Но здесь уже вступают в силу определенные ценностные установки. У меня, например, не вызывает ни малейшей симпатии паразитирование на «наивных» националистических эмоциях, которые весьма выгодно поддерживать и стимулировать не только политическим популистам, но и нынешней властной системе в целом. Потому что, как показала вся новейшая политическая история России, популистским фронтом довольно просто управлять, его легко членишь, сворачивая и разворачивая соответствующие партийные проекты. Но все дело только в том, что ни борьба с «кавказцами», ни с «евреями», ни громыхание империалистическими лозунгами возврата России к границам такого-то года, не может, согласно моему убеждению (разумеется, имеющему под собой систему рациональных оснований), решить ни одной социальной или экономической проблемы, стоящей перед страной. *Русский национализм на современном этапе в России — это всего лишь один из способов канализирования реальных социально-экономических проблем в мнимое, но хорошо контролируемое русло.* Он выгоден власти, испытывающей трудности в действительном решении этих проблем, поскольку маскирует ее неудачи. Кроме того, он фактически препятствует формированию действительно жизнеспособных политических сил, способных выступать носителем перспективных социальных, экономических и культурных программ. Потому что с такими силами уже нельзя обходиться так, как обходятся с управляемым опереточным популизмом националистического толка. Судьба русского культурно-исторического и российского государственного проекта зависит — и здесь я лишь могу напомнить слова Владимира Соловьева — от того, насколько мы сможем решить задачу *достойного существования*.

Наконец здесь я хотел бы затронуть еще один момент, относящийся непосредственно к интеллектуалам. Во-первых, за пределами исторических и аналитических штудий я вообще не вижу пространства, в котором интеллектуалы могли бы играть хотя бы какую-то не клоунскую роль (на потеху власть предержащих), выступая в роли персонажей, порождающих некие смыслы, связанные с национальной или патриотической идеей. Вопросы, непосредственно связанные с такого рода самоидентификацией, имеют простые и ясные ответы, которые не могут включать в себя никакой особой интеллектуальной компетентности. Неужели О. Кильдошов считает, что граждане России растят детей, служат в армии и проч. и проч., не зная о себе чего-то такого важного, что им могут сказать интеллектуалы? Только в кривом зеркале непомерного самомнения совершенно оторванных от страны публицистов им же самим может казаться, что этот убогий и сирый народ дожидается, когда

интеллектуалы предложат ему какие-то «национальные смыслы», животворные «русские идеи» и проч. Разумеется, существует масса проблем, связанных с неотрегулированностью этно-национальных отношений в России. В частности, проблема экономического бремени, лежащего на этнически русских регионах страны⁸, диспропорции в распределении человеческого капитала⁹ и т.д. Но решение этих проблем связано с универсализацией, а не с партикуляризацией, и именно русская культура на этой территории исторически являлась и, надеюсь, продолжает являться носителем скрепляющего эту империю универсализма. Если на местечковый национализм, который могут себе позволить другие этносы и государства, ответом будет такой же «симметричный» ответ русской культуры, то проект государства «Россия» можно закрывать. Меня удивляет, почему ответом на какой-нибудь застарелый или вновь явленный национализм каких-то там народностей, на которые кивает в своей статье О. Кильдюшов, ответом должен быть собственный местечковый или, зоологический, как выражался Владимир Соловьев, русский национализм. Есть страны и народы, которые могут обходиться такого рода национализмами. Но русская культура имеет достаточно собственных внутренних ресурсов, спасающих ее от подражания этим образцам.

С этой точки зрения нетрудно также уяснить, кто является русским националистом в том положительном смысле, который я готов принять. Если брать сферу интеллектуальную, то это, безусловно, тот, кто вносит какой-то вклад в русскую культуру. Своим учительствованием, своей научной работой, своими просветительскими усилиями, своими переводами — короче говоря, своим *трудом* на ниве русской культуры. Ибо никто не отменит и для русского человека то националистическое кредо, которое в свое время прекрасно сформулировал подлинный немецкий националист Макс Вебер. Я не побоюсь использовать здесь этот «жаргон подлинности», потому что, очевидно, в той же Германии затем восторжествовали мнимые немецкие националисты, опозорившие свою страну и причинившие ей неисчислимы бедствия. Вебер же по этому поводу писал: «Даже наши величайшие и предельные земные идеалы переменчивы и преходящи. Мы можем стремиться не навязывать их будущему. Но мы можем стремиться и к тому, чтобы люди будущего узнавали в нашем поведении *их собственных пращуров*. Мы хотим быть предками будущих поколений благодаря нашей работе и нашей сущности»¹⁰.

Поэтому, встречаясь с опусом очередного вновь явленного русского националиста, я спрашиваю, а что этот человек сделал для русской культуры? Если вся его работа сводилась к тому, что он лишь на все лады варьировал тезис

⁸ В этом нет ничего нового: «правительство с помощью налоговой системы намеренно поддерживало такое положение в империи, чтобы материальный уровень жизни нерусских, проживавших в национальных окраинах, был выше, чем собственно русских, нерусские народы всегда платили меньшие налоги и пользовались льготами» (Миронов Б. Указ. соч. С. 33).

⁹ Ср. оценки того же Б. Миронова применительно к имперскому периоду (Указ. соч. С. XXVIII–XXX), которые он резюмирует следующим образом: «в целом индекс человеческого развития у нерусских был выше, чем у русских, и положение нерусских в целом было более предпочтительным».

¹⁰ Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика // Вебер М. Политические работы (1895–1919). М.: Праксис, 2003. С. 23.

«я — русский», пытаясь извлечь из этого некую мыслишку, дабы осчастливить ею меня, а заодно и весь русский народ, то для меня это просто не интересно. Разговор, скажем, с любым арабом дает мне большее представление о русской национальной специфике, чем графоманство «националистических» публицистов, в точном смысле слова заинтересованных только в собственном «self-management'e». Напротив, какая-нибудь «философия диафильма», если она, что называется, «на уровне» и что-то дает русской культуре, является признаком подлинного, а не мнимого национализма. И здесь, я знаю, у меня нет никаких содержательных расхождений с тем же Петром Струве, который в свой «государственнический» период (1916 г.) писал: «Но нельзя просто желать силы и просто призывать к совершенствованию. Не в благих порывах и не в высоких словах тут дело. Нужно *создать* силу, а это возможно только в творческой работе, в непрерывном делании. Подлинный национализм, заключая в себе нравственную задачу, требует непрерывного морального творчества, объемлющего и личную жизнь, и общественные отношения, и государственные задачи»¹¹.

¹¹ Национализм. Poleмика 1909–1917. С. 154.